

За коляской Чичикова

Произведения Н. В. Гоголя в творчестве художника-графика Сергея Алимова занимают особое, сокровенное место.

— Я долго осваивал гоголевскую тему, — рассказывает Сергей Александрович, — постепенно подбирался к образам. Начиная делать в цвете — у меня ничего не получалось. Был даже такой момент, когда все уходило из-под рук. И вот однажды сделал первый рисунок. Сделал его очень быстро — в два дня, но, как говорится, не сходя с места, не отрываясь. И после этого легче пошли другие листы, я, что называется, зацепил, ухватил, как мне кажется, вот эту атмосферу Петербурга. Образ города, будто бы существующего в вакууме. Здесь все пустынно, но в любой момент могут появиться странные фигуры, которые ринутся преследовать героя. Тема «Носа» — утрата человеком собственной личности.

— «Нос» был первым произведением в вашей «гоголиаде». А с чего началось для вас «вхождение» в мир гоголевских героев?

— Началось все, как и у любого человека, с детства, с того самого момента, как я себя помню. С книги, она и сейчас у

меня сохранилась, еще дореволюционного издания. Со сборника гоголевских «Вечеров на хуторе» с иллюстрациями.

Вот с чтения гоголевских пасторальных произведений все и началось. После того, как я показал «Нос» на выставке, издательство «Современник» предложило сделать иллюстрации к «Мертвым душам». Когда я сажу Чичикова в коляску, то исключаю подробности, исключаю пейзаж и пытаюсь создать атмосферу исчадия чичиковского ада.

— И все-таки в финале второго тома «Мертвых душ» вы «прощаете» Чичикова, оставляете ему надежду жить...

— Прежде всего так поступает Гоголь. Он признавался в этом в «Четырех письмах по поводу «Мертвых душ». Мне хотелось, чтобы были не просто монстры, «заплаты на теле человеческого», от недостатков которых, выставляя их на суд людской, освобождался Гоголь. И несмотря на то, что продолжал их любить. Вот эту любовь, которая как исцеление, мне хотелось раскрыть в иллюстрациях к «Мертвым душам».

Б. ПЕТРОВ.

ВЕЧНОЕ СЛОВО

ОДНИМ ИЗ САМЫХ современно звучащих произведений Гоголя является повесть «Тарас Бульба». Ее тема — любовь к Родине и готовность отдать во имя этого чувства все силы без остатка.

«...Римское уединение — как ни ласкало, как ни тешило оно одиночество Гоголя — было томительно. Он не мог насытиться созерцанием красоты Рима — этой окаменевшей природы, созданной человеком. Бессловесность этого созерцания, этой чистой жизни духа была тяжка. Как ни любил он Италию, как ни успокаивалась здесь его душа, это все же была не Россия. Здесь идеал, как бы отразившийся в зеркале искусства, отошел в прошлое. В России он брезжился. И на этот свет и рассвет идеала и влекло его мысль».

Гоголь сел переписывать «Тараса Бульбу». Повесть о запорожцах вновь всплыла в его памяти, когда он, затосковавши по родине, увидел и дни детства, и милую Украину, и свои занятия историей малороссийских казаков, и собрание песен для Максимовича. Вдруг захотелось поднять старые записи, разворошить былые...

В 1842 году «Тарас Бульба» был переписан начисто. В неприкосновенности остались лишь первая глава, описание приезда сыновей, отъезд Тараса и сыновей на Сечь, вечер в степи — все это начало, скрывающееся за высокой травой, как скрываются в траве крыши хутора Бульбы, как скрывается и пропадает за краем земли детство Остапа и Андрия. «Прошайте, и детство, и игры», — восклицает Гоголь, завершая этот пролог повести, — и все, и все!»

«Прошай, юность, юная замашка и упоение юных лет!» — может сказать о старом «Тарасе Бульбе» новый Гоголь. Те поэтические мечтания и восторги отнеслись вдале. На высоте, куда поднялась его жизнь, иными глазами взглянул он и на высокое прошлое.

О «Тарасе Бульбе», отделанном и переделанном Гоголем, Белинский писал: «Но зачем же забывают, что тот же Гоголь написал «Тараса Бульбу», поэму, герой и второстепенные действующие лица которой — характеры высоко трагические? И между тем видно, что поэма эта писана тою же рукою, которую писаны «Ревизор» и «Мертвые души». В ней является та особенность, которая принадлежит только таланту Гоголя».

Белинский не разъясняет этой особенности. Но ее поясняет сам Гоголь. В «Авторской исповеди» он определяет ее как равное существование в его таланте и «силы смеха», и «лирической силы».

То, что «Мертвые души» и новая редакция «Тараса Бульбы» писались в одно время и должны были явиться читателю почти вместе («Мертвые души» — отдельной книгой, «Тарас Бульба» — в собрании сочинений), это не только совпадение, а факт, объясняющий природу творчества Гоголя.

«Сила смеха» брала верх в «Мертвых душах». Она без помех гуляла по пространству поэмы, которое обезжала бричка Чичикова, она почти толкала эту бричку вперед, заставляя ее кружить по деревням Манилова, Собакевича, Плюшкина. Шедшая ей навстречу, как стена дождя, «лирическая сила» уступала ей в натиске. Как ветер относит дождь, так относились в сторону лирические воспоминания Гоголя, его возгласы о путях России, о птице-тройке, о народах и государствах. Они отрывались от «живых картин», точней, врывались в ткань поэмы как нечто ей чуждое, с ней не сливающееся.

Если б повесть о запорожцах переделывалась не в одно время с писанием поэмы, то и тогда мы могли бы говорить об их родстве, о том, что они — выражение двух устремлений одного Гоголя. В «Мертвых душах» удовлетворяется одна его страсть, в «Тарасе Бульбе» — другая. И полный Гоголь виден при сопоставлении этих двух поэм.

Мы бы и «Тараса Бульбу» взяли трактовать как поэму, ибо и здесь, как и в «Мертвых душах», предмет — не частная жизнь, не история семьи или двух-трех героев, а эпоха, Россия и мир. И тема путей России и выбора, который открывается человеку на этих путях, — их общая тема.

Сила смеха естественно вызывает в «Мертвых душах» к лирической силе. Она не может без поддержки идеального чувства Гоголя, и хотя смех автора в поэме полон и полноценен (то есть в некотором роде идеален), Гоголь чувствует, что это полет на одном крыле — ему не хватает взмахов обоих крыльев, которые подняли бы его в желанную высь.

История, рассказанная в «Тарасе Бульбе» 1835 года, была историей семейной, судьба Тараса и его сыновей выставлялась на первый план, хотя и соотносилась с некой летописной канвой. В новой редакции является идея семьи — народа.

«Тарас Бульба», может быть, самая историческая вещь Гоголя, историческая не в смысле строгого соответствия фактам (этого-то как раз нет), а в смысле

ле верности духу истории, ставящей в центре своего летописания народ. Но это одновременно и самая личная вещь Гоголя. Гоголь более, чем в другие свои творения, вложил в нее себя — кровь рода Гоголей, ставших захудалыми помещиками и иереями бедных церквей, тут кипит и брызжет, играет и поет. Гоголь бросает взгляд в глубь истории и в глубь себя — и эти глубины сходятся, образуя тот золотой запас памяти, из которого и выкован «Тарас Бульба». Гоголь не мыслит себя вне исторического бытия — воскрешая жизнь своих предков, зажигая прошлое от огня сердца и в свою очередь зажигаясь от этого возжженного им пламени, он кидает свет и на настоящее, соединяя то, что умерло, с тем, что живет.

Явившиеся в повести диалогизм и гоголь сливаются с козацкой массой в конце «Тараса Бульбы», когда гетман Острица ведет свои полки на ляхов, чтоб отомстить за гибель товарищей. Гоголь вызывает из родовой памяти эту борьбу, чтоб ее явственностью покрыть призванием существования героев «Мертвых душ», чтоб примером той жизни наставить и вразумить XIX век.

Так или иначе, но автор делается причастен к тем событиям, которые изображены в повести. Они выходят на него лично, на его жизнь. Без этого Гоголь не мыслит себе исторического чувствования. Тот, кто не понял своего места в истории, кто смотрит на события давних лет лишь как хронограф и стенограф, ничего не способен понять в прошлом. Для него история не судьба, а мертвая скрижалю.

Ноша ответственности, которую несли предки Гоголя, слишком ощущается автором повести. «Тарас Бульба» выходит за пределы эпизода украинской и русской борьбы за единое государство и делается сочинением, в котором идея истории превалирует над ее фактами.

В те годы, когда писались похождения Чичикова, когда Гоголь смеялся над губернскими балами («Вона пошла писать губерния»), Тарас и его товарищи давали в «Тарасе Бульбе» свой «бал» — и над отрицательным праздником мертвых, над мистифицированной жизнью вставал и трепетал гимн красоте русской, гимн самоутверждению русского человека, и создавался эпос Руси.

Это была не только потребность утолить запрос «лирической силы», личная потребность гения Гоголя, но и запрос русской литературы, давно уже не слышавшей героических звуков, подобных звукам «Слова о полку Игореве».

ДАВНО ОТГРЕМЕЛИ оды Державина, херасковская «Россияда» стала преданием. Отнеслись в историю и «Певец во стане русских воинов» Жуковского, и звуки пушкинских «Полтавы». Исторические сочинения современников Гоголя блекли перед этим списком. Жуковский недаром сел переводить «Одиссею» — русской литературе нужна была эпопея.

Великое историческое событие 1812 года все еще ждало своего певца, своего летописца, своего философа. Гоголь, не рискуя писать о 1812 году (все же еще близок был этот год), взял равное ему по масштабу время — эпоху смуты. Он, как и автор «Слова о полку Игореве», создал слово — о полку Тарасовом, которое сделалось вместе с тем и словом о всей русской земле.

И «Слово...», и «Тарас Бульба» созданы наперекор распри, междоусобице и имеют одну святую задачу — собрать силы Руси (она же — полк, воинство, семья), помирить ее внутри ее самой и призвать на великие дела.

И тут, и там видна государственная идея, автор — поэт, но автор — и человек, чувствующий свою ответственность за честь и судьбу Родины. Гоголь в новой редакции «Тараса Бульбы» не просто поэт, но и певец во стане русского общества.

Небо, степь, река, ковыль в степи, за которым скрываются черные бараны шапки запорожцев, волны в козацком войске, птица гоголь, появляющаяся и в конце «Слова о полку Игореве», — все здесь как бы единый и неделимый мир, который трет матерью жизни заодно с человеком. Природа в «Тарасе Бульбе» вопрошает человека, человек вопрошает природу. И меж собой — как в поэме о походе Игоря — перекликаются, помня друг о друге, воины. «Есть ли еще порох в пороховницах? Крепка ли еще козацкая сила?» — вопрошает Тарас. И неколебимо единодушен ответ козаков: «Есть еще, батенько, порох в пороховницах; еще крепка козацкая сила; еще не гнут-ся козаки!»

Как и автор «Слова...», Гоголь не зритель на битве, не сторонний присутствующий, а сын и брат козаков, их соотечественник, который не может молчать, видя их неразумие или грозящую им опасность: «Не добивай, козак, врага, а лучше повернись назад». «Козаки, козаки!» — окликает он своих героев. — Не выдавайте лучшего цвета вашего войска!»

Дух Гоголя летает среди битвы, он взмывает, как степная чайка, над полем сражения, вьется, хочет защитить своих.

Места, где происходит действие поэмы Гоголя и

«Слова о полку Игореве», граничат друг с другом, а поминаемая в «Слове...» река Сула — река родной Гоголю Полтавщины. И враг у героев этих двух поэм один — половец или татарин, тот самый татарин, что угнал в Крым товарищей Бульбы, разорил сечевой скарб и гонится по пятам за русским войском, надеясь в ослабших его рядах найти себе добычу.

Сечь возмущают раздоры, как и князья Древней Руси. Спорят между собой старшины, козаки, полковники. Слишком дорого приходится платить за это несогласие. Гибнет, оставшись без полка Тараса, Острица. Разделенное надвое войско запорожское (одна часть ушла вслед за татарами, другая осталась под крепостью) усевается козацкими головами. Темное предчувствие, как некое затмение, веет над чубатыми козацкими головами, когда Сечь отправляется в поход. «Взглянул Тарас на небо, — пишет Гоголь, — а уж по небу потянулась вереница кречетов. Ну будет кому-то поживать! Природа подает козакам нарек на их грядущие несчастья. Вот почему воле providения, исторической логики, которая будто бы подчинена соотношению сил на поле битвы, Тарас должен противопоставить силу и волю духа, идеи — в данном случае идеи товарищества».

Для него эта идея выше идеи судьбы. Вот отсюда речи Тараса полны пылающего восторга. Слишком сильны в них интонации самого Гоголя. Песня, горящая строка летописи, ритмика посланий святых апостолов — одним словом, зрелый Гоголь, полный Гоголь, Гоголь, изощривший свое перо в писании «Мертвых душ», в штудировании древних источников, слышен здесь.

Эти речи Тараса вынимают лучшее из сердец запорожцев, оно овладевает как старыми умудренными сердцами, так и «молодыми жемчужными душами» (образ, повторяющий один из образов «Слова...»). Они проносятся над рядами козаков, как слово вития, лиризм которого вызван к жизни подвигом запорожцев.

Гоголь верит в колдовскую силу слова, в слово, которое способно собрать, «создать равно всех на святую молитву», а главное, сделать так, чтобы весь «миллион народа в одно время вздрогнул».

Носителем слова в повести являются поэт-автор и поэт-герой. Его несут в народ и певцы-бандуристы, на которых часто ссылается Гоголь в «Тарасе Бульбе». «Густое, могучее слово» Тараса отдается в их песнях, «и пойдут дыбом по всему свету слава, и все, что ни народится потом, заговорит о них. Ибо далеко разнесится могучее слово, будучи подобно гудящей колокольной меди, в которую много повергнул мастер дорогого чистого серебра, чтобы далече по городам, лачугам, палатам и весям разносился красный звон...»

Огненной речью Тарас добивается большего, чем перевесом в численности войска. Никакие пушки, которые выставляют против Бульбы ляхи, не способны противостоять силе слова, направленного в упор в сердце.

Тарас Бульба у Гоголя — и оратор, пророк, пророчествующий на стогах, и негибимый «лев». Он — воплощенное единство слова и дела.

ГОГОЛЬ ВСЮ ЖИЗНЬ попрекали за то, что он изображает только смешное. В «Мертвых душах» он вынужден был обещать, что примется за картины с описанием достоинств русского человека, картины, где его, Гоголя, идеал явится во плоти живых образов. Не дождавшись, когда ход действия поэмы подведет его к желанному «чистилищу», когда откроется перед нею вдали сверкающий «рай», он создает параллельно одной поэме другую поэму, в которой русский реквием покрывается русским апофеозом.

В «Тарасе Бульбе» — том самом, который был переписан в Италии, — нашли себя все темы Гоголя. Тут и Россия, и Запад, и страсть, и любовь, и русский всемирный катарсис — очищение и возвышение через смерть, и восторг, и смех Гоголя, и обольщение красоты, сладкая отравка ее, которая наполняет человека (Андрия «пыян» своей страстью), и дело, и слово, мгновение и вечность, муки и веселье, и полный звук, и полет на обоих крыльях.

В статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность?» Гоголь так определяет источники русской поэзии и назовет их: песни, слово подвижников, слово литературы. Все эти истоки есть в «Тарасе Бульбе». Созданная как бы в дополнение к «Мертвым душам», эта повесть Гоголя стала самым цельным и нераздельным его творением, где гоголевская двойственность как бы исчезает в гармонию.

В поэму, могущую стать русской «Илиадой» и одновременно «Божественной комедией», влились струи другой поэмы, врывались звуки музыки сфер, и это слияние и контрапункт поставили дилит Гоголя — «Мертвые души» — «Тарас Бульба» — в один ряд с творениями Гомера и Данте.

Игорь ЗОЛОТУССКИЙ.

Полный вариант исследования И. Золотусского будет опубликован в четвертой книжке журнала «Москва».

ПЕРОМ ГРАФИКА — Сергей Алимов

Иллюстрации к произведениям Николая Васильевича Гоголя: «Портрет», «Мертвые души», «Нос» и «Повесть о капитане Копейкине».

